

УДК 81'37
ББК 81.03

И.А. Бобрышева

СВЯЗЬ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ «ПУСТОТА» И «ТВОРЧЕСТВО» В ИДИОЛЕКТЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Сложность взаимодействия семантических полей «пустота» и «творчество» в идиолекте М.И. Цветаевой определяется энантиосемией ключевых слов, которые являются точками пересечения полей в тексте, и амбивалентностью понятия «пустота». С одной стороны, это поглощающее 'отсутствие', противопоставленное творчеству как полноте и потенциальности, с другой – свободное место, потенциальная возможность как условие творчества.

Ключевые слова: *М.И. Цветаева, семантическое поле, ключевое слово, пустота, творчество.*

Бобрышева Ирина Александровна – преподаватель кафедры общего и сравнительного языкознания факультета филологии и журналистики Южного федерального университета

Тел.: 8(863) 295-10-51
E-mail: bobrisheva.irina@mail.ru

© **Бобрышева И.А., 2012.**

В современной лингвистической науке художественные произведения все чаще рассматриваются как ключ к постижению авторской картины мира. Особый интерес в этом отношении представляет идиолект М.И. Цветаевой, имеющий ряд особенностей, которые определили выбор метода анализа материала. Для текстов М.И. Цветаевой свойственны переплетение смыслов, энантиосемия слов и устойчивых выражений, наличие бинарных противопоставлений, характеризующихся амбивалентностью. Наиболее удачным способом описания и представления семантического уровня произведений автора является построение семантического поля (далее – СП) текста. Семантическая структура отдельного художественного текста М.И. Цветаевой часто представляет собой целую систему СП, тесно связанных между собой и пересекающихся в ключевых словах.

Ключевые слова, которые представляют собой точки пересечения двух и более полей, являются объектом настоящего исследования. Предмет нашего исследования – СП «пустота». Пустота – это одна из основных категорий во многих культурах, она связана с актом сотворения мира. СП «пустота» представлено во многих произведениях М.И. Цветаевой и переплетается с целым рядом других СП. Цель настоящей статьи – проследить связь этого поля с полем «творчество» как одним из центральных у многих писателей и поэтов и выявить особенности авторской картины мира. Материалом для анализа послужили контексты, полученные в про-

цессе сплошной выборки. В ходе анализа будут рассмотрены значения, которые реализуются в контекстах и входят в поля «пустота» и «творчество», и сделаны выводы о взаимодействии и пересечении этих полей.

Для Цветаевой творец всегда был особым человеком. Кто посвятил себя творчеству, подчинился стихии творчества, существующей в нем, тот отказался от своего социального статуса, от той жизни, когда он подвластен только себе. По М.И. Цветаевой, с этим даром можно только родиться, этой внутренней полнотой необходимо обладать априори, а не создавать ее.

По этой причине она не признавала гений Валерия Брюсова и писала о нем: «Поэт ли Брюсов после всего сказанного? Да, но не Божьей милостью. Стихотворец, творец стихов, и, что гораздо важнее, творец творца в себе. Не евангельский человек, не зарывший своего таланта в землю, – человек, волей своей, из земли его вынудивший. **Нечто** создавший из **ничто**» [Цветаева, с. 16].

Ключевым в данном тексте является слово *ничто*, которое во многих произведениях М.И. Цветаевой выступает одним из репрезентантов поля «пустота». Категория «ничто», «пустота» – символы рубежа XIX – XX вв. Это время характеризуется кризисом европейского сознания, в результате которого проблема не-бытия становится одной из центральных в произведениях многих писателей, поэтов и философов и «получает воплощение в образах, представляющих базовые оппозиции мир – ничто, вещество – пустота, свет – тьма, день – ночь, белое – черное, etc» [Севастьянова, с. 11].

В творчестве разных авторов эта проблема решается по-своему, и один из возможных выходов из нее следующий: альтернативой несовершенному миру представляются не-бытие, ничто, пустота, где автор сам может созидать, он становится источником всего, он равен Богу, который может наполнить это не-бытие тем, чем захочет. Поэтому окружающая пустота становится одним из признаков творца в идиолекте М.И. Цветаевой.

Таким образом, с одной стороны, рассуждая о Брюсове и его поэтических способностях, автор использует аллюзию на творение Бога, который создал все из ничего, из абсолютной пустоты. Речь идет о первоначальном не-бытии, из которого возникло все сущее, о дотварной пустоте в мире, которая содержала в себе потенциальную полноту всего созданного позднее и ныне сущего.

С другой стороны, в анализируемом тексте речь идет о пустоте, которая заставляет Брюсова стать не просто творцом стихов, их создателем, а творцом творца в себе. Это абсолютная пустота, отсутствие творческого начала в самом поэте, на месте которого он создает *нечто*. По мнению М.И. Цветаевой, любой творец потенциально полон. Таким Творцом с заглавной буквы для нее была художница Наталья Гончарова. В очерке, посвященном этой гениальной личности, одним из центральных является СП «творчество»: «Биограф, не сомневаюсь, Гончаровой хотел польстить. Из **ничего**, мол, делает **все**. Да для Гончаровой ведь

нет **“ничего”**, **пустой звук**, даже и звук не **пустой**, раз звук <...>...допустив хоть на секунду возможность для Гончаровой **“ничего”**, – **ничего** от нее не оставил, уничтожил ее всю»; «...ощутить **ничего (небытие)** – это опять-таки ощутить: быть... »; «все из себя **дающий** есть все в себя **берущий: отдающий. Всё только из всего.** Возможность не – то, чего заведомо лишена Гончарова» [Цветаева, с. 101]. В приведенном отрывке М.И. Цветаева на примере Натальи Гончаровой дает свое понимание творца. С одной стороны, автор отрицает наличие «ничего» вовне, т. е. любое присутствие, наличие для творца исключает пустоту: если звук есть, пусть и пустой, – это уже не пустота, если мы ощущаем небытие, значит, есть наши ощущения, есть мы, а значит, это уже не абсолютное небытие (ср. *cogito, ergo sum*). С другой стороны, создание всего из ничего, это создание всего из себя, творец, автор словно выплескивает всю свою внутреннюю полноту вовне. Снова возникает параллель между творцом и Богом. Третий семантический аспект реализуется в контексте всего эссе «Наталья Гончарова»: чтобы полноту личности воплотить, нужно, чтобы ей не мешали лишние люди, события, мелкие впечатления, предметы, нужно, чтобы было пусто. Личность любого гения настолько полна, что не требует окружающей заполненности, а скорее нуждается в свободном пространстве, чтоб было, где выразить себя.

Внутренняя наполненность и значимость творца, а также окружающая его пустота в текстах М.И. Цветаевой тесно взаимосвязаны и раскрываются одна через другую: «Скульптор зависит от мрамора, резца и т.д. Художник – от холста, красок, кисти – хотя бы **белой стены и куска угля!**» [Цветаева, с. 590]. Речь идет о художнике и о том материале, которым он пользуется. СП «творчество» представлено словами *холст, краски, кисти, резец*, а также *скульптор* и *художник*, являющимися видовыми к родовому наименованию *творец*. СП «пустота» реализуется через лексему *белый*, которая в разных контекстах в идиолекте М.И. Цветаевой выступает ассоциатом, синонимом и антонимом к слову *пустой*. Прилагательное *черный* в произведениях автора приобретает индивидуально-авторское значение ‘полный’, которое реализуется в приведенном контексте в словосочетании *кусок угля*. Белая стена для художника – это полотно, на котором можно создать картину. Белая стена – это пустое пространство, которое стимулирует к заполнению. Эта пустота существует до всех созданий творца, благодаря ей и возникают произведения. Для Цветаевой пустота – это залог всех будущих творений. В очерке «Наталья Гончарова» М.И. Цветаева пишет следующее: «Только пустота ничего не навязывает, не вытесняет, не исключает. Чтобы всё могло быть, нужно, чтобы ничего не было. Всё не терпит чего (как “могло бы” – есть)» [Цветаева, с. 68].

Для поэта и писателя пространством, требующим заполнения и стимулирующим к творчеству, является бумага: «...чего не могу жечь, так это – **белой бумаги...** нужно только этому другому себе представить, что эта бумажка – денежный знак... Точно не тетрадку дарю, а все в ней **написавшееся бы** бросаю в огонь... » [Цветаева, с. 131]. **«Пустая тетрадь!**

Оду пустой тетради! Белый лист без ничего еще, с еще-уже-всем. Есть у немцев слово *Scheu*, с частым эпитетом *heilige* – вроде священного трепета – непере译имое. Так именно эту священную *Scheu* я по сей день испытываю при виде **пустого листа...** Будет тетрадь – будут стихи. Мало того, каждая еще пустая тетрадь – живой укор, больше: приказ» [Цветаева, с. 133 – 134]. «Не рукописи выручала – руками – из огня, а **белую бумагу. Возможность рукописи...** Жечь. Жечь. А вот это – вам. – Иногда с сомнением: – И чековую книжку Вам?

– Да, если пустая»
 «Я – страница твоему перу,
Все приму: я – белая страница.
 Я хранитель твоему добру:
 Возвращу и возвращу сторицей.

Я деревня, черная земля.
 Ты мне луч и дождевая влага
 Ты – господь и Господин, а я –
 Чернозем и белая бумага.

Сознавала ли я тогда, в 18-м году... я называла – самое великое: недра (чернозем) и все возможности белого листа» [Цветаева, с. 135].

В представленном фрагменте СП «пустота» формируется вокруг устойчивого сочетания *белая бумага*, имеющего в современном русском языке значение ‘пустая, неисписанная’. Белая бумага – это материал для творца, поэта, как холст, стена для художника. Контекстуальными синонимами данного словосочетания в рассматриваемом фрагменте являются *белый лист* и *новая тетрадь* (‘чистая, в которой ничего не написано’), *белая страница*, *пустая тетрадь*. Уже с первых строк раскрывается внутренняя форма прилагательного *пустой* (‘тот, что впускает, дает возможность существовать’). Значение ‘возможность и потенциальность’ передается на лексическом уровне путем номинации белой бумаги «возможностью рукописи», а на грамматическом – благодаря употреблению грамматического окказионализма («написавшееся бы»). Данная семантика подчеркивается и собственно авторским лексико-синтаксическим окказионализмом с *еще-уже-всем*.

Пустой, белый лист является потенциально полным, дает простор для мыслей поэта и писателя. Он содержит в себе все невоплотившиеся творческие возможности, все ненаписанные шедевры. Исписанная бумага исключает возможность создания чего-то нового и являет уже созданное, сделанное, которое во многом теряет свою ценность для автора, как только материализуется. Творец живет будущими творениями, еще не написанным: «Творец, это все завтрашние творения, всё Будущее, вся неизбежность возможности: неосуществленное, но не неосуществимое – неучтимо – в неучтимои своей непобедимое: завтрашний день.» [Цветаева, с. 14].

В письме к Тарковскому, написанному в октябре 1940 г., М.И. Цветаева использует ахматовское словосочетание, которому придает статус

слова: «Просто, был 1916 год, и у меня было безмерное сердце, и была Александровская Слобода, и была малина (чудная рифма – Марина), и была книжка Ахматовой... Была сначала любовь, потом – стихи... А сейчас: я – и книга. А хорошие были строки:... Непоправимо-белая страница... Но что она делала: с 1914 г. по 1940 г.? Внутри себя. Эта книга и есть “непоправимо-белая страница”»... [Цветаева, с. 611]. Ахматова использовала это сочетание в стихотворении «Вечерние часы перед столом», чтобы через детали передать внутреннее состояние лирической героини, отсутствие желания творить. Цветаева, переосмысливая строки Ахматовой, употребляет его, когда пишет о своем отношении к книге стихов, которыми некогда восхищалась. Это преклонение перед творчеством Ахматовой, продиктованное любовью, сменяется другим отношением: «...Да, вчера прочла – перечла – почти всю книгу Ахматовой и – старо, слабо. Часто (плохая и верная примета) совсем слабые концы; сходящие (и сводящие) на нет» [Цветаева, с. 611]. Употребляя словосочетание *непоправимо-белая страница*, М.И. Цветаева подчеркивает содержательную пустоту книги и выражает свое субъективное мнение о ней. Благодаря использованию наречия *непоправимо* для создания окказионализма, автор меняет коннотацию словосочетания *белая страница* до противоположной. Первоначальное значение ‘пустота, требующая заполнения и стимулирующая к творчеству’ трансформируется и приобретает оттенок ‘пустота как отсутствие, ущербность’. Таким образом, актуальный смысл слова художественного текста формируется благодаря другим элементам внутри текста.

Словосочетание *белый лист* употребляется в произведениях М.И. Цветаевой и в переносном значении, сохраняя семантику пустоты и связь с полем «творчество»: «Я только что поступила в музыкальную школу... партнер – Евгения Яковлевна Брюсова, жемчужина школы и моя любовь. Старшая ученица и младшая. Все музыкальные искусства пройденные – и белый лист.» [Цветаева, с. 21]. Белый лист в данном случае обозначает два вида пустоты. С одной стороны, это пустота в противопоставлении значимой полноты (жемчужина школы), которая обозначает неопытность, отсутствие должных знаний. С другой стороны, данная пустота предполагает все будущие возможности, всё то, что ещё будет (противопоставлено пройденному).

Окружающая творца пустота у М.И. Цветаевой может концентрироваться не только в материале, которым он пользуется, предметах и пространстве, которые его окружают, но и в тех людях, которые находятся рядом с ним и играют важную роль в его жизни: «Фактическое. Пушкин должен был быть убит **белым** человеком на **белой** лошади, в которого так свято верил, что даже ошибочно счел его Вейскопфом (он точно свою смерть примерял), – одним из генералов польской войны, на которую стремился – навстречу смерти. Судьба посредством Гончаровой выбирает Дантеса, **пустое место**, равное Гончаровой. Пушкин убит не **белой** головой, а каким-то **пробелом**» [Цветаева, с. 86].

СП «творчество» реализуется через имя собственное *Пушкин*. Значение «полнота» творца в данном примере возникает на основе противопоставления Пушкина и Дантеса. Дантес становится символом пустоты и входит в одноименное поле благодаря использованию таких слов, как *пустое место* и *пробел*, которые автор применяет для характеристики убийцы русского гения. Фразеологизм *пустое место*, употребленный по отношению к какому-либо человеку, означает «ничтожество», другими словами, незначительность, внутреннюю пустоту. Лексема *белый* в первую очередь указывает на внешние признаки Дантеса (белые волосы), которые совпадают с предсказанным Пушкину. Но для М.И. Цветаевой более значимой является внутренняя характеристика. Она использует слово, которое, с одной стороны, сохраняет этимологическую связь со словом *белый*, а с другой стороны, выражает семантику пустоты. Это слово *пробел*, которое является ключевым в рассматриваемом отрывке. В Словаре русского языка под ред. А. П. Евгеньевой дается 3 определения этого слова, первое из которых «промежуток, незаполненное место между отдельными текстами, частями текста» [МАС, с. 462]. Выделение такого значения позволяет связывать слово *пробел* с письмом, текстом и СП «творчество». Таким образом, данная лексема является точкой пересечения одновременно трех СП: СП «пустота», СП «белый» и СП «творчество». Третье значение *пробела*, зафиксированное в словаре, формулируется как «недостаток, упущение, изъян» [Там же] и, как и фразеологизм *пустое место*, указывает на ничтожность Дантеса.

В результате анализа было выявлено, что пересечение СП «пустота» и «творчество» наблюдается в ряде произведений М.И. Цветаевой, написанных в разные годы, и свидетельствует об их тесной связи. Сложность взаимодействия полей определяется энантиосемией, свойственной языковому знаку в идиолекте автора, и неоднозначностью поля «пустота». С одной стороны, пустота – это «отсутствие», она поглощает, уничтожает. В этом значении поле «пустота» противопоставлено полю «творчество», как полноте и потенциальности. С другой стороны, в произведениях М.И. Цветаевой представлено другое понимание пустоты как потенциальной полноты, что приводит к тесной связи с СП «творчество».

Литература

Севастьянова В.С. Поэтика не-бытия в русской литературе 1900 – 1920-х гг. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Магнитогорск, 2011.

Словарь русского языка : в 4 т. Т. 3. / РАН, Ин-т лингвист. исслед.; под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999 (МАС).

Цветаева М.И. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1997.